

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЫПУСК III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1954

М. А. САЛЬЕ

ОБ ОСВЕЩЕНИИ РОЛИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «АРАБСКОЙ КУЛЬТУРЫ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Как свидетельствуют события последних лет, национально-освободительное движение охватило многие страны с арабоязычным населением — Египет, Тунис, Марокко. Вдохновляющим стимулом для угнетенного населения этих стран явился пример народов Советского Востока, навсегда сбросивших ярмо колониальной эксплуатации и свободно развивающих каждый свою самобытную культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Справедливо видя в процветании культуры народов Советского Востока величайшую опасность для сохранения своего господства в ближневосточных и средневосточных странах, колониальные державы и США всеми средствами стремятся опорочить эту культуру, опровергнуть факт ее самобытности и независимости. В этих целях ими широко поощряется пропаганда панарабизма, утверждающего, что средневековая культура узбеков, таджиков, туркмен, азербайджанцев и других народов Средней Азии и Кавказа, родина которых подверглась нашествию арабов и входила в то время в состав арабского халифата, является, по существу, «арабской культурой» и не может претендовать на самобытность и независимость. Разоблачение ложности и порочности этой «теории» является одной из важнейших задач советских востоковедов. К сожалению, в этой области сделано пока очень мало, и настоящая статья является, в сущности говоря, первой попыткой поставить данный вопрос на широкое обсуждение.

* * *

Средневековую культуру народов Ближнего и Среднего Востока в буржуазной науке принято называть «арабской» или «мусульманской», хотя, как мы постараемся показать ниже, вклад арабов в ее создание был весьма незначительным. Такое наименование опирается на длительную традицию, установившуюся еще на заре европейской ориенталистики, когда в Европе закладывались начатки изучения Востока. Условность и неточность терминов «арабская» или «мусульманская» культура, основанных на господстве арабского языка в литературе и науке покоренных арабами народов и гегемонии ислама на завоеванных ими территориях, издавна сознавалась санкционировавшими эти термины буржуазными учеными; иногда такое определение сопровождалось рядом оговорок. Однако идеалистические воззрения этих ученых мешали им отказаться от трактовки культуры покоренных арабами

народов как «арабской» и признать за этими народами способность к самостоятельному культурному творчеству.

Во второй половине XIX века, когда оформилась и распространилась среди господствующих классов населения так называемых арабских стран идеология панарабизма и панисламизма, подобные высказывания европейских ученых были подхвачены вожаками панисламистского движения. В работах первых идеологов этого движения—Джема-луддина ал-Афгани, его ученика Мухаммеда Абдо и других—идеи о мнимом культурном превосходстве арабов над покоренными ими народами, о «культуртрегерской» роли ислама на территориях захваченных ими стран и об отсутствии у населения этих стран исконных культурных традиций получили дальнейшее развитие и «обоснование».

Позднее эти антинаучные расистские теории умело используют европейские и американские империалисты. Те же самые политические круги, которые прежде усердно рекламировали «противомусульманские» сочинения членов всяких религиозных орденов и добровольцев-миссионеров вроде небезызвестных Иоганна Гаури, Звемера, Ламменса и им подобных, теперь щедро субсидируют издание всевозможной панисламистской литературы — книги, брошюры и журналы, на все лады доказывающих превосходство «арабской», «мусульманской», «общегорской» культуры над культурой народов, когда-то покоренных арабами, в особенности народов современного Советского Востока.

Причины такой метаморфозы понятны. В своей безудержной ненависти к народам СССР европейские и заокеанские поджигатели войны не брезгают никакими средствами в попытках опорочить культурные достижения этих народов в прошлом и настоящем, посеять между ними национальную рознь. Одним из таких средств является панисламистская и панарабистская пропаганда, помогающая, по мнению американских империалистов, осуществить их бредовые планы мирового господства. Устами послушных подголосков США и Англии в Турции и других ближневосточных странах, а также своих парламентариев и конгрессменов, они по сей день объявляют узбеков, таджиков, казахов, туркмен, азербайджанцев «низшей расой», способной лишь пассивно воспринимать цивилизацию «господ» и лишенной каких бы то ни было самостоятельных культурных достижений.

Тем же империалистическим целям должна была, по мысли ее английских покровителей, служить и «Арабская федерация» и, позднее, Лига арабских государств, созданная весной 1945 г. при прямой поддержке Великобритании. Эксплуатируя в своих интересах стремление населения так называемых арабских стран к национальному объединению, правительство Черчилля, а затем и лейбористы, всячески муссировали идею Арабской федерации, в надежде использовать ее против СССР в случае вооруженного конфликта с Советским Союзом.¹ Как будто поощряя объединительные тенденции арабоязычных народов, англичане, в согласии с местными помещиками и капиталистами, фактически насаждали «национализм сверху»,² использовали эти тенденции ради своих империалистических целей.³

События последнего времени показывают, однако, что в некоторых арабских государствах (Египет, Тунис, Марокко) интересы местных правящих групп и их европейских хозяев вступили в непримиримое противоречие. Во вспыхнувшем в конце 1951 г. англо-египетском конфликте лозунг «британцы, вон из Египта!» был подхвачен всем народом.

¹ Н. В. Ватолина, Современный Египет, М.—Л., 1949, стр. 185.

² Там же.

³ Там же, стр. 186.

К современным событиям на берегах Нила полностью применимы слова И. В. Сталина о египетском освободительном движении 1919 — 1921 гг.: «Борьба египетских купцов и буржуазных интеллигентов за независимость Египта является... борьбой объективно революционной несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма»¹. Тем не менее, как правильно отмечает новейший исследователь современного Египта, «национально-освободительное движение в Египте и других арабских странах развивается вне Лиги (арабских государств — М. С.) и наталкивается на ее противодействие»².

* * *

Вопрос о роли арабов, как «носителей культуры» в захваченных ими странах, неоднократно ставился и в русской востоковедной науке. Лучшие ее представители в интересующей нас в данном случае области: Х. Д. Френ, В. В. Григорьев, В. Р. Розен, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский своими многочисленными трудами сделали значительный вклад в изучение культурной и политической истории народов Переднего Востока. С половины XIX в. русская школа востоковедов становится ведущей в мировой ориенталистике; без учета достижений русской науки прогресс в изучении Востока делается невозможным.

И все же ошибочные методологические концепции даже наиболее передовых русских востоковедов (некоторые из них продолжали свою работу и после Великой Октябрьской социалистической революции) мешали им правильно понять роль и значение средневековой арабской культуры, заставляли переоценивать ее уровень и значение. Настойчивое подчеркивание ими якобы определяющей роли языка и религии в процессе культурного развития лишь резче оттеняет идеалистический подход к определению генезиса культуры и ограниченность его моментами чисто духовного порядка.

Такой взгляд, естественный для буржуазного ученого 80-х годов прошлого века, когда вопрос о значении вклада арабов в общую сокровищницу культуры Востока был впервые поставлен академиком Розендором, чувствуется, к сожалению, и в работах отдельных советских исследователей. Вплоть до недавнего времени термин «арабская культура» употреблялся ими в буржуазном, антинаучном понимании. Лишь в самые последние годы намечены пути к правильному определению роли и удельного веса арабской культуры в общем ходе формирования средневековой культуры народов Востока.

На происходивших в Москве, Ленинграде и Ташкенте дискуссиях были сурово осуждены рецидивы пантюркистских, панарабистских, паниранистских теорий в трудах некоторых советских ученых. Широта вопросов, поднятых на этих дискуссиях, естественно, не давала возможности входить в углубленное рассмотрение отдельных аспектов проблемы. В частности, наши арабисты еще до сих пор не предложили ясного определения того, что следует разуметь под средневековой арабской культурой; в каком отношении стояла эта культура к самобытным культурам народов, покоренных арабами; кто был подлинным творцом той культуры, которую называют в буржуазной науке «арабской».

Пытаясь в настоящей статье дать, хотя бы в самых общих чертах, ответ на эти вопросы, мы считаем необходимым подчеркнуть следующее.

Выдвигаемый нами тезис, что арабы — обитатели Аравийского полуострова — стояли в культурном отношении ниже населения покоренных

¹ И. В. Сталин, Соч., т. VI, стр. 144.

² Н. В. Ватוליца, ук. соч., стр. 187.

ими территорий Ближнего и Среднего Востока, относится лишь к моменту арабской экспансии. Это ни в коей мере не умаляет культурных достижений ныне населяющих эти территории арабоязычных народов, которые ранее, до арабов, создали свою самобытную культуру и продолжили и после арабского завоевания успешно ее развивать. Основной своей задачей мы считаем именно доказательство исконности и самостоятельности культуры каждого из населявших халифат народов, в особенности тех, которые ныне обитают в пределах СССР.

С другой стороны, отмечая отрицательное значение арабского завоевания для развития культурной жизни в покоренных арабами странах, мы отнюдь не возлагаем вину за это на весь арабский народ. Арабский народ как таковой, т. е. обитатели Аравийского полуострова, в своей массе не принимал участия в завоеваниях и не «делал политики» в завоеванных областях. Подлинными творцами этой политики являлись представители торгово-аристократической верхушки Медины и Мекки, орудием которых было немногочисленное, жаждавшее грабежей войско. Рассматривать арабскую экспансию, как массовое переселение жителей Аравии на покоренные территории, было бы, разумеется, совершенно неправильно.

* * *

Одной из причин ошибочной оценки буржуазными учеными роли и удельного веса арабской культуры является идеалистическая трактовка ими самого понятия «культура». Говоря о культуре какого-либо народа, эти ученые обычно имеют в виду лишь совокупность созданных данным народом духовных ценностей, игнорируя ценности материальные. Культура мыслится ими как нечто самодовлеющее, не стоящее ни в какой связи с условиями материальной жизни общества; определяющими факторами культуры они считают, как мы уже отмечали выше, исключительно язык и религию. Такой подход позволяет, по их мнению, именовать «арабской» или «мусульманской» культуру всех народов, когда-то покоренных арабами и объединенных исламом и арабским языком, как языком науки и литературы.

Порочность трактовки культуры в отрыве от материальных условий существования народов — ясна. Определяя культуру как совокупность духовных и материальных благ, созданных народом в процессе его общественно-исторической трудовой практики, марксизм-ленинизм подчеркивает прямую зависимость культуры, как явления надстроечного порядка, от базиса, т. е. от экономического строя общества на данной стадии его развития. Одним из элементов культуры, разумеется, является и язык, но язык, в противоположность культуре, остается неизменным, несмотря на изменение экономического строя общества. «Культура и язык — две разные вещи».¹ Единство языка не обуславливает единства культуры.

Лишь исходя из ленинско-сталинских методологических предпосылок, можно правильно разрешить вопрос о сущности арабской культуры и ее отношении к культурам покоренных арабами народов. К более детальному рассмотрению этого вопроса мы теперь и переходим.

* * *

«Что сделали арабы в создании ряда исторических явлений, связанных с арабским завоеванием и распространением ислама?». Так формулирует покойный А. Ю. Якубовский² один из важнейших, по его мнению, вопросов в истории халифата. Вопрос этот неизбежно встает

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда»; М., 1950, стр. 16.

² Сборник памяти академика В. Р. Розена, М. — Л., 1947, стр. 37.

перед всяким ученым, — будь то историк, филолог или экономист, — который вдумчиво наблюдает процесс становления и развития культуры народов Ближнего и Среднего Востока, подвергнувшись в середине VII в. нашествию выходцев с Аравийского полуострова.

Условность и неточность определения этой культуры как «арабской» или «мусульманской» давно сознавали наиболее передовые представители дореволюционного русского востоковедения. Еще в 1888 г. академик В. Р. Розен (ум. в 1908 г.) писал: «...если мы эту новую культуру (т. е. культуру халифата — М. С.)... называем арабской, то мы это делаем, с одной стороны, ради краткости — нельзя же ведь употреблять термин: «греко-персо-сиро-копто-еврейско-арабская культура», а с другой — ради того, что литературным языком этой культуры оказался именно арабский язык».¹

Ту же мысль в еще более определенной форме высказали почти четверть века спустя ученики Розена — В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский. «Мы говорим об «арабской» или «мусульманской» культуре не потому, что эта культура была создана арабами и исламом, — заявлял В. В. Бартольд в 1912 г.² — но потому, что те азиатские и африканские области, на долю которых выпало продолжать и в средние века прерванную в Европе культурную работу, были объединены исламом, как государственной религией огромного большинства населения, и арабским языком, как языком общей культуры и науки».

И уже совершенно категорически высказался по этому поводу только начинавший тогда свою научную карьеру И. Ю. Крачковский, по замечанию которого «мысль о том, что пальма первенства в развитии мусульманской цивилизации принадлежит не арабам, а скорее иноземцам, писавшим по-арабски, стала в европейской науке общим местом»³. Ту же мысль академик Крачковский неоднократно высказывал и в других своих работах.⁴

После столь определенных заявлений оставалось, казалось бы, только навсегда отказаться от употребления этих неудачных терминов — «арабская» или «мусульманская» культура. Однако этого не случилось. Только что названные ученые, долгое время работавшие и после Великой Октябрьской социалистической революции, до конца своей жизни продолжали пользоваться ими же осужденным термином; за ними следовали и их многочисленные ученики. Ярким примером антинаучного применения понятий «арабский» и «мусульманский» в вышеуказанном значении могут служить хотя бы заглавия таких востоковедных статей и книг, как: «Аль-Хурейми, арабский поэт из |Согда» В. А. Эбермана⁵, «Математическая география у арабов от Хорезми до Улугбека» И. Ю. Крачковского,⁶ «Культура мусульманства» и «Мусульманский мир» В. В. Бартольда и др.⁷

Панисламистские и панарабистские идеи особенно характерны для послевоенной буржуазной ориенталистики. Не говоря уже об «Истории арабов» сирийца Ф. Хитти, постоянно живущего в Америке, где эти

¹ ЗВО, т. III, стр. 153—154.

² Мир ислама, I, стр. 4.

³ Там же, стр. 264.

⁴ См., напр., его статьи: «Арабская литература», в сб. «Литература Востока», вып. I, стр. 24; «Арабская поэзия», журн. «Восток», IV, 1924; стр. 97.

⁵ ЗКВ, V.

⁶ «Научное наследство», М.-Л., 1948.

⁷ Программное значение приобретают в этом смысле и названия двух русских востоковедных журналов, редактором которых был В. В. Бартольд: «Мир ислама» и «Мусульманский мир».

идеи расцвели пышным цветом,¹ влияние их чувствуется и в вышедшей в 1939 г. «Истории мусульманских народов» престарелого немецкого арабиста К. Броккельмана, автора известной «Истории арабской литературы».² Перефразируя приведенные выше слова И. Ю. Крачковского, можно сказать, что панарабистские теории сделались «общим местом» в современном буржуазном востоковедении.

Выяснение истинной роли арабов в создании культуры покоренных ими народов, таким образом, отнюдь не является, по таджикскому выражению, «доказательством того, что уже доказано». В дальнейшем мы постараемся вкратце ответить на три вопроса:

1. Что следует понимать под термином «арабская культура», 2. Каким был культурный уровень арабов в период завоевания, 3. Каков вклад покоренных арабами стран в сокровищницу средневековой культуры народов Востока.

* * *

Антинаучный и реакционный термин «арабская культура» в буржуазном понимании, вследствие своей неопределенности и широты, лишен, в конечном счете, сколько-нибудь конкретного содержания. Носителями «арабской» (или «мусульманской») культуры оказываются представители самых различных стран, далекие по языку от обитателей Аравийского полуострова и стоявшие несравненно выше арабов по культурному уровню, но вынужденные, вследствие политического и вероисповедного господства завоевателей, писать на их языке³.

К сожалению, приходится констатировать, что термин «арабская культура» и в советской науке не получил достаточного ясного истолкования. Более того, этот термин различными авторами иногда различно толкуется даже на страницах одной и той же книги, как это случилось, например, во II томе Большой Советской Энциклопедии (второе издание).

В коллективной статье «Арабская культура» мы читаем (стр. 583) по этому поводу следующее.

«То, что называется в буржуазной науке арабской культурой, представляет собой ряд находящихся во взаимодействии средневековых культур различных народов... Одной из этих культур была и арабская культура в собственном смысле, т. е. культура арабов». (Часть статьи, из которой заимствовано цитированное определение, принадлежит В. Б. Луцкому).

Таким образом, «арабская культура в собственном смысле» характеризуется здесь как некое слагаемое, находившееся во взаимодействии с культурами других народов, обитавших на территории халифата.

Однако через 14 страниц, на стр. 597 того же тома БСЭ, в анонимной статье об арабском языке можно найти уже несколько другое определение «арабской культуры».

¹ Книга Хитти, вышедшая пятым изданием в 1951 г., заслуживала бы отдельной рецензии как показатель того, до какого застоя и маразма дошло ныне буржуазное востоковедение.

² Правильная, в общем, характеристика научных работ Броккельмана, проникнутых идеалистическими взглядами и панарабскими идеями и имеющих значение только как свод значительного фактического материала, дана во II издании Большой Советской Энциклопедии (т. VI, стр. 132).

³ Вспомним горькие слова Бируни, сказанные им под конец жизни (приведены, между прочим, И. Ю. Крачковским в статье: «Бируни и его роль в истории географии» — Сб. «Бируни», М.-Л., 1950, стр. 65), о необходимости для него писать на чуждом ему арабском языке, чтобы его труды получили распространение. Ошибочно было бы, однако, игнорировать прогрессивное значение арабского литературного языка — этой «своеобразной восточной латыни» (С. П. Толстов), как средства культурного общения между различными народами, обитавшими на обширной территории халифата. К этому нам еще придется вернуться ниже.

«Начиная с VII века, значительная часть их (т. е. арабов — М. С.) переселилась в некоторые завоеванные страны, ... распространяя там арабский язык и заимствуя, в свою очередь, высшую культуру покоренных народов (впоследствии на этой основе развилась самостоятельная арабская культура)».

В этом втором определении арабская культура предстает перед нами уже не как составная часть некоего культурного комплекса, а как самостоятельная культура, развившаяся на основе культур других народов.

И та и другая формулировка не отличаются четкостью; не вполне правильны они и по существу. Отходя от буржуазной концепции «арабской культуры», как чего-то поглощающего в себя культуры других народов, авторы приведенных характеристик, однако, лишают культуру арабского народа как такового значительной доли самостоятельности. Если первый из них (В. Б. Луцкий) говорит об арабской культуре лишь как о составном элементе сложного культурного комплекса, то даже по более милостивому суждению второго (анонимного) автора, самостоятельная арабская культура возникла только «впоследствии» (когда именно — не указывается), как порождение других культур, а до того, видимо, не существовала.

Такой неожиданный для советского ученого вывод можно до некоторой степени объяснить все той же неясностью содержания самого термина «арабская культура» в отношении к средним векам.¹ Для устранения этой неясности лучше всего было бы разуместь под «арабской культурой» только культуру собственно арабов, т. е. обитателей Аравийского полуострова.

Как известно, эта культура, достигшая особенно высокого уровня в южной части Аравии, существовала задолго до ислама, развиваясь вполне самостоятельно. С возникновением ислама начинается быстрый регресс южноарабской культуры. Уже в первые десятилетия после политического объединения Аравии под властью халифов южная часть полуострова теряет свою культурную обособленность; арабская культура в собственном смысле становится единой во всей Аравии и продолжает самобытно развиваться в некотором отрыве от культурной жизни остальной части халифата.

Иною была судьба арабской культуры за пределами своей родины. Результатом быстрой экспансии арабов на огромной территории захваченных ими стран (от Бискайского залива до Инда и от Каспийского моря до верхних порогов Нила) явилось этническое и культурное растворение завоевателей в массе покоренных ими греков, сирийцев, евреев, коптов, согдийцев, тюркоязычных народов и других. В культурном отношении большинство этих народов стояло несравненно выше арабов, недавних кочевников-скотоводов или водителей торговых караванов.

Примитивная культура победителей сдалась в этом столкновении почти без борьбы; только арабскому языку и религии ислама арабы пытались обеспечить господство военной силой. В остальных областях культурной жизни завоеватели лишь сохранили и развили те институты, которые нашли в покоренных странах. Судьба собственно арабской культуры на захваченных арабами территориях является ярким подтверждением неоднократно отмеченного в истории факта, что завоеватели, стоявшие на более низкой ступени развития были вынуждены подчиниться хозяйственному укладу, который находили в покоренной стране.

¹ Не устраняет этой неясности и обращение к последнему советскому труду по истории народов Узбекистана, где общей характеристике культуры арабов в период экспансии посвящено только 2½ строки (История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 153).

Огромное большинство тех богатств, что вошли в сокровищницу так называемой «арабской» или «мусульманской» культуры было создано не арабами, а обитателями покоренных ими стран. Немалый вклад в эту сокровищницу принадлежит, в частности, народам Средней Азии.¹

Из сказанного ясно, как мало у нас оснований называть культуру халифата, хотя бы с оговорками, «арабской». Единственно правильным было бы, по нашему мнению, совсем отказаться от употребления этого термина по отношению к средневековой и рассматривать культуру каждого из народов Ближнего и Среднего Востока в отдельности.

Статья об арабской культуре во втором издании Большой Советской Энциклопедии содержит и другие ошибочные положения. Нельзя, например, пройти мимо данного в этой статье определения социального строя доисламских арабов, тем более, что в советской науке мы находим взаимно противоположные характеристики их общественного уклада².

В Большой Советской Энциклопедии (т. II, стр 583) об этом сказано следующее:

...«В Северной Аравии, где население занималось кочевым животноводством и оседлым земледелием, в основных (? — М. С.) районах сохранялось доклассовое общество... В 7 веке арабы завоевали ряд стран и образовали халифат—феодалную державу, включившую все завоеванные страны» (автор этого определения все тот же В. Б. Луцкий).

Иная точка зрения на общественный строй Северной Аравии до ислама высказана в первом томе «История народов Узбекистана», вышедшем, как и второй том БСЭ, в 1950 г. Автор соответствующего раздела этого тома, А. Ю. Якубовский без всяких оговорок указывает, что «арабы... к моменту их вступления на историческую арену в качестве завоевателей... представляли собой классовое общество, в котором, наряду с рабовладельческим укладом, зарождались первые признаки феодальной эксплуатации» (стр. 153).

Такое разноречие в авторитетных изданиях, предназначенных для широкого читателя и опубликованных почти одновременно, заставляет несколько подробнее остановиться на характере общественного строя арабов в период возникновения и распространения ислама. Это кажется нам тем более необходимым, что оба цитированных автора формулировали свои положения догматически, не приводя в их защиту никаких доводов.

Первое из этих положений — о бесклассовом обществе в Северной Аравии в VI—VII вв. — доказать вообще нелегко. Еще трудней объяснить читателю, каким образом жители северной части Аравийского полуострова совершили скачок от бесклассового уклада прямо к феодализму, минуя рабовладельческий строй. Согласно известному положе-

¹ Ср. слова В. В. Бартольда (История изучения Востока в Европе и России. изд. 2, 1925, стр. 53): «... создатели нового государства и новой религии, арабы, в эпоху завоевания стояли в культурном отношении несравненно ниже покоренных ими греков, семитов и персов». При всей неточности этнических обозначений основная мысль В. В. Бартольда остается правильной.

² Совершеннейший разнобой в этом отношении в буржуазной науке. В то время, как большинство ученых определяет общественный уклад преисламской Аравии, как «патриархальный» (например, Кремер: *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, I, 1877, стр. 48), некоторые из них (например, бейрутский иезуит бельгиец Ламменс) находят в доисламской Мекке все признаки твердо укоренившихся и широко развитых капиталистических отношений.

нию Ленина «Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа... Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света»¹.

Считать, что доисламская Аравия, где рабовладение было так широко развито, составляет исключение из общего правила, нет никаких оснований. В интересующий нас период времени, т. е. в VI—VII вв. н. э., «первое крупное деление на классы»² — рабовладельцев и рабов — достаточно ярко выступает в общественном укладе Северной Аравии. Резкие формы принимает также антагонизм между разбогатевшими на караванной торговле купцами Мекки и Таифа и постоянно находившимися у них в кабале кочевниками-бедуинами³. Столь же враждебно были настроены кочевники и по отношению к оседлым земледельцам, селившимся вокруг больших городов. Бедуины смотрели на крестьян, как на своего рода низшую расу и осыпали их насмешками. «Первый и последний из вас — рабы!» — говорит, обращаясь к жителям земледельческой Йемамы, один из представителей бедуинской знати.⁴ Между кочевниками и земледельцами непрестанно происходили столкновения, носившие иногда характер настоящих войн.⁵ Все это мало напоминает те идиллические общественные отношения, которые хочет видеть в Северной Аравии VI—VII вв. В. Б. Луцкий, говоря об «арабском народном творчестве, еще не омраченном классовым гнетом».⁶

Резкие классовые противоречия можно отметить и в городах Сев. Аравии. Наиболее значительный из них — Мекка — фактически находился в руках совета старейшин, сплошь состоявшего из представителей торговой аристократии. Ключом, открывавшим доступ в этот совет, являлись не выборы, а богатство. Сосредоточив в своей казне огромные богатства — прибыли от широких торговых операций, богачи держали в ростовщической кабале торговцев помельче,⁷ ремесленников и городскую бедноту. Недаром ростовщичество («риба'») так резко осуждается в ранних сурах Корана.

В коммерческих операциях мекканских купцов значительное место занимала торговля рабами. Рабы, главным образом эфиопы, пленяемые

¹ В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 438.

² В. И. Ленин, там же.

³ Отголосок этого антагонизма можно найти в частности в Коране (напр., сура IX, стихи 98, 99, где жители пустыни называются более лицемерными и нечестивыми, чем горожане), а также в «хадисах», т. е. в преданиях (вымышленных) о словах и делах Мухаммеда.

⁴ Табари, Annales, II, стр. 155.

⁵ В. В. Бартольд, Мусейлима, отд. оттиск из Изв. Росс. Акад. Наук, 1925, стр. 489.

⁶ БСЭ, II, стр. 583. Откуда могло возникнуть столь далекое от истины представление о доисламской поэзии арабов — непонятно. Как бы ни относиться к вопросу о подлинности известных нам образцов этой поэзии (по мнению некоторых исследователей, часть их фальсифицирована более поздними филологами), но имеющийся в нашем распоряжении конкретный материал ярко свидетельствует о наличии в тогдашней Аравии рабовладельцев и рабов. Для иллюстрации достаточно вспомнить знаменитую «Лямию арабов» — стихотворение с рифмой на букву «л», автор которого «изгой» Шанфара сам был рабом и пал от руки наемных убийц. Это стихотворение, кстати сказать, доступно советскому читателю в прозаическом переводе И. Ю. Крачковского, напечатанном в журнале «Восток», № 4, 1924, стр. 58.

⁷ Еще Страбон писал, что каждый араб — «либо торговец, либо маклер», имея, очевидно, в виду не кочевников и земледельцев, а купеческую верхушку торговых городов.

в почти непрерывных войнах между Аравией и Эфиопией, в большом количестве доставлялись в Мекку. Из Мекки живой товар экспортировался в пограничные страны, с которыми Северная Аравия поддерживала оживленные торговые сношения.

Во владении и торговле рабами состоятельные мекканцы эпохи «джахилии» (язычества) не видели ничего зазорного. Ислам не внес в этом отношении никаких перемен. Рабами обладал, вероятно, и сам Мухаммед;¹ что же касается его любимой жены Аиши, дочери Абу Бекра, первого преемника Мухаммеда, то она после смерти мужа усильно занималась торговлей рабами.²

Рабы использовались в качестве рабочей силы. Руками рабов обрабатывались обширные латифундии мекканских аристократов,³ рабы пасли их огромные стада.

Таким образом, рабство в доисламской Аравии, как и позднее в халифате,⁴ не являлось только домашним рабством; рабовладельческий уклад и при халифах еще далеко не изжил себя и существовал наряду с зарождавшейся феодализацией арабского общества.⁵

Начавшаяся вскоре после смерти Мухаммеда (632 г.) экспансия арабов в сопредельные страны не внесла коренных изменений в их общественный строй; вопреки теориям буржуазных ученых,⁶ быстрые победы завоевателей нельзя, разумеется, объяснить религиозным фанатизмом и строгой дисциплинированностью мусульманского войска. Как отмечают уже древнейшие из дошедших до нас арабоязычных летописей, религиозные чувства первых «бойцов за веру» не казались их современникам особо глубокими и вызывали к себе сугубо ироническое отношение.⁷ Об истинных настроениях жителей Аравийского полуострова по отношению к насильно навязанной им религии свидетельствует массовое отпадение их от ислама тотчас же после смерти Мухаммеда, так называемая «рида». Основной для недовольства новой верой были для бедуинов разнообразные налоги и поборы, санкционированные Кораном. Наиболее одиозной казалась враждебным ко всякому моральному и экономическому принуждению кочевникам «подать на бедных» («за-

¹ Противоположное заключение можно, как будто бы, вывести из слов раннего арабоязычного автора ал-Балазури, в его «Книге завоевания стран» (Футух ал-булдан, изд. де Гье, стр. 24), которые А. Ю. Якубовский (Исполнительные аренды в Ираке в VIII веке, Советское Востоковедение, т. IV, 1947, стр. 176, прим. 2) переводит так: «и не было у посланника Аллаха и его сподвижников рабов, которые обрабатывали землю». Однако на стр. 25 (каирское изд. 1319; стр. 32) мы находим у Балазури фразу *و لم يكن له من العمال من لا يكفيه عمل الارض*, которую после предложенного А. Ю. Якубовским незначительного исправления текста можно истолковать в том смысле, что Мухаммед имел рабов, но не в достаточном количестве для того, чтобы обрабатывать свои земли. На это прямо указывают слова того же Балазури (Футух ал-булдан, Каирское изд., стр. 41) о том, что, один из сподвижников Мухаммеда подарил ему раба («гулам»).

² Е. Белыев, Хрестоматия, «Происхождение ислама», стр. 47.

³ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, Сов. Этнография, т. 2, 1936, стр. 49.

⁴ А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VII и VIII в., Труды первой сессии Ассоциации арабистов, стр. 37.

⁵ О наличии четкого деления на высшие и эксплуатируемые слои в арабских княжествах уже в начале VI в. н. э. говорит Н. В. Пигулевская (Труды второй сессии Ассоциации арабистов, Л., 1941, стр. 52; там же, стр. 55). Общественные отношения в преисламской и исламской Аравии еще недостаточно исследованы историками-марксистами; понадобится упорная работа, чтобы более подробно выяснить условия экономической и культурной жизни арабов на рубеже этих двух эпох.

⁶ Напр. Кремера, ук. соч., 1, стр. 80.

⁷ С. П. Толстов, Очерки..., стр. 57. Для характеристики религиозного индифферентизма первых мусульман показателен рассказ Абу Ханифы («Китаб ал-ахбар ат-таваль», стр. 298) о похоронах одного христианского вельможи, которого проводжали на кладбище и мусульмане, и «священники, читавшие Евангелие».

кат») — поимущественный налог в размере 2,5% с облагаемого имущества. Облагалось же решительно всё, — начиная с наличных денег и кончая плодами.

Плохо подчинялись жители пустыни и чисто религиозным предписаниям. Особенно надоедали им пятикратные молитвы и связанные с ними ритуальные омовения. Недаром один из вождей «ридды» «лже-пророк» Мусейлима, собираясь жениться на другой «пророчице», Саджах, будто бы обещал, в качестве свадебного подарка, освободить её племя от послеполуденной молитвы¹. При всей своей анекдотичности этот рассказ верно характеризует «правоверие» первых мусульман.

Религиозный фанатизм не был и не мог быть решающим фактором, обусловившим торжество мусульманского оружия; объяснения первых побед арабов следует искать прежде всего во внутренней слабости их противников.

К моменту выступления мусульман на историческую арену государственная система Сасанидского Ирана и Византии была сильно расшатана внутренними раздорами и вызванным этими распрями экономическим расстройством. Достаточно было самого незначительного толчка, чтобы отдать эти страны в руки внешнего врага. Арабы, как известно, начали завоевания с самыми незначительными силами и вначале отнюдь не предполагали их закреплять². В первых вторжениях в пограничные с Аравией области участвовало не более двух-трех тысяч бойцов, две трети которых составляла пехота³. Большую помощь завоевателям оказали их соотечественники, издревле селившиеся в пограничных с Аравией странах. В Сирии, Месопотамии, Египте имелась многочисленная «пятая колонна» арабов⁴; они доставляли своим сородичам шпионские сведения и нередко оказывали им прямую военную поддержку. Источники свидетельствуют о том, что и коренное население на первых порах тоже приветствовало завоевателей. В них видели, говоря словами Энгельса, «представителей порядка в беспорядке», способных установить и поддержать твердую власть в истерзанной внутренними смутами и разоренной вследствие хозяйственного развала стране.

Монофизитский епископ Александр Кир, при приближении к городу арабского войска (в 642 г.), приказал своим единоверцам не оказывать мусульманам сопротивления. Власть последователей Мухаммеда, видимо, казалась ему меньшим злом, чем иго господствовавшей тогда в Византии мелькитской церкви, беспощадно преследовавшей «еретиков» — монофизитов. Копты спокойно встретили «сынов Исмаила», но быстро убедились, что с приходом арабов им нисколько не стало лучше. В дальнейшем трудящееся население Нильской долины пыталось найти облегчение своей участи уже не в пассивной покорности, а в мятежах и восстаниях, принявших особенно широкий размах в 20-х годах IX в., при Мамуне. То же самое произошло и в других странах, покоренных арабами.

* * *

Разочарование обитателей этих стран станет вполне понятным, если вспомнить, что принесли с собой арабы в завоеванные области, каков был уровень их культуры в сравнении с местной цивилизацией,

¹ Ал-Фахри, изд. Деранбура, стр. 104 — 105.

² Беккер, Islamstudien 1, стр. 48.

³ Кремер, ук. соч. 1, стр. 82.

⁴ Кремер, ук. соч. 1, стр. 81. В некоторых городах Египта многочисленные колонии арабов существовали в I веке н. э. («Восток», 4, стр. 127). Так, напр., в египетском городе Кофте уже при Страбоне половину населения составляли арабы («Мир ислама», 1, стр. 152).

какие цели преследовали они, вторгаясь в сопредельные с их родиной области.

Вопрос о степени культуры арабских завоевателей в период их экспансии, т. е. в половине VII в. н. э., остался как-то вне поля зрения советских историков. Не рассмотрен по существу этот вопрос и в «Истории народов Узбекистана». В соответствующем разделе этого труда (т. 1, стр. 153) интересующей нас теме посвящается несколько скудных строк.

«В рассматриваемый период арабское общество в культурном отношении стояло на более низком уровне, чем покоренные ими народы Египта, Византии, Средней Азии, Ирана».

Как видим, определение тогдашнего уровня культуры арабов носит здесь чисто негативный характер. Объясняется это, вероятно, тем, что история североарабской культуры в VI—VII вв. вообще далеко недостаточно разработана. Если исследования С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского, В. А. Шишкина и других советских ученых позволяют с полной уверенностью говорить о наличии, в частности, в Средней Азии, богатейшей самобытной древней культуры, то данные, рисующие культурный облик арабских завоевателей в эпоху вторжения, приходится, так сказать, по каплям выцеживать из арабоязычных источников.

Первоисточники эти рисуют воинов арабского полководца Кутейбы, вторгнувшихся в первые годы VIII в. в Мавераннахр, как неотесанных варваров, не имеющих ни малейшего понятия о сколько-нибудь культурной жизни.

Ранние летописи полны анекдотами о солдатах, которые, например, сыпят камфору в кушанье, принимая ее за соль, предпочитают серебряные деньги золотым потому, что они белее. Даже считать они умеют только до тысячи и не знают, что существуют еще большие числа.

В буржуазной науке эти анекдоты предпочитают игнорировать, считая их порождениями антиарабских настроений, характерных для историков аббасидского периода (более ранняя историческая литература до нас, как известно, не дошла). Конечно, подобного рода рассказы нельзя принимать без критики, но ошибочно было бы отрицать за ними всякое соответствие действительности. И уже совершенно нет оснований объявлять «неправдоподобным» известное свидетельство знаменитого Бируни об истреблении тем же Кутейбой хорезмских ученых и уничтожении их летописей, как это делает, между прочим, В. В. Бартольд¹, ничем, однако, не обосновывая свой скептицизм.

Конкретным показателем низкого культурного уровня первых арабских завоевателей является, в частности, варварское уродование ими замечательных стенных росписей в районе Пенджикента, открытых в последнее время археологической экспедицией под руководством А. Ю. Якубовского. Лица и руки изображенных на стенах человеческих фигур, которых солдаты Кутейбы сочли за идолов, исполосованы ударами копий и над ними неуклюже выведено арабское слово «ля!» — «нет!» т. е. «нет бога, кроме аллаха».

Не свидетельствует о высокой культурности и политика, проводившаяся завоевателями в захваченных ими странах. Если главным стимулом, толкавшим арабов к завоеванию, была, как можно теперь считать твердо установленным, жажда добычи, то этот же мотив является определяющим фактором всей их хозяйственной и экономической политики в завоеванных областях.

¹ Энциклопедия ислама, т. II, статья о Хорезме.

Арабы, повидимому, и сами отдавали себе отчет в своей культурной отсталости. Бессильные противопоставить им что-либо адекватное, они на первых порах не делали никаких попыток изменить существовавшие на захваченных территориях административные и хозяйственные учреждения и оставили их в неприкосновенности, приспособив к своим нуждам. Вплоть до пресловутой реформы Абдулмелика (в 696 г.) по всему халифату свободно обращались византийские динарии с изображением креста и сасанидские драхмы с жертвенником; даже и после реформы изменился только чекан, а вес и название монет остались прежними. В завоеванном Египте еще долгое время были в ходу золотые «солиды», украшенные арабским символом веры, выбитым латинскими буквами.¹

Монетная реформа Абдулмелика — лишь отчаянная попытка упорядочить денежное хозяйство страны, где еще продолжали служить платежным средством, наряду с золотом и серебром, овцы и верблюды.

Терминология побежденных восторжествовала и в других областях хозяйственной и культурной жизни. Даже для названия важнейшей статьи дохода — подушной и поземельной подати, арабам пришлось воспользоваться местным словом «харадж»². Откуда бы ни происходил этот термин, с греческого или с пехлевийского, он несомненно существовал в том же значении еще до арабов.

В неприкосновенности сохранился в первые столетия арабского владычества и туземный административный аппарат. Не имея прочных государственных традиций, завоеватели были вынуждены оставить всю власть в руках местных чиновников; арабский наместник был игрушкой в руках своих приближенных из местной знати, которые еще долгое время после вторжения вели делопроизводство на непонятных ему греческом или персидском языках.

Арабизация государственного аппарата, декретированная тем же Абдулмеликом, на практике оказалась чисто фиктивной. В течение ряда столетий арабы в своем собственном государстве фактически управлялись иранцами или греками. Вплоть до XIV ст. христианский элемент преобладал в египетских канцеляриях, а в IX в. христиане даже два раза были, выражаясь по современному, «военными министрами». Если в Египте, по подсчету одного буржуазного ученого, арабизация делопроизводства затронула всего 10% населения, то в восточной части халифата этот процент был и того меньше, а к X в. арабский элемент в Мавераннахре и Туркестане исчез совсем³.

Прежними остались в покоренных арабами странах и формы эксплуатации. Арабы лишь увеличили существовавшие до них виды обложения и добавили от себя новую «подать на бедных» — поимущественный налог, «закат».

Объявив землю собственностью государства, завоеватели роздали лучшие участки в виде награды солдатам, а остальное предоставили обрабатывать прежним владельцам на кабальных условиях испольной аренды.

Глубоко презирая земледельческий труд, недавние кочевники быстро забросили свои наделы или распродали их более крупным помещикам; земли, оставшиеся у прежних владельцев, тоже вскоре пришли в

¹ В. В. Бартольд, Мусульманский мир, стр. 33.

² В первые века хиджры это слово, как известно, обозначало всякий налог вообще, независимо от предмета обложения. У автора середины X в. ал-Мас'уди «хараджем», в частности, называется ежедневный оброк в два дирхема, который взимался хозяином с раба-ремесленника (Мурудж аз-захаб, парижское издание, т. VI, стр. 343—344).

³ В. В. Бартольд, Мусульманский мир, стр. 30.

запустение — уж очень невыгодно было их возделывать. Началось массовое «бегство с земли».

Бывшие крестьяне либо устремлялись в крупные города на заработки, либо, позднее, переходили в отряды какого-нибудь восставшего хариджита или шиита, благо терять им было нечего. Пустели поля, заболочивались заброшенные каналы; оросительная система, широко развитая при Сасанидах, пришла в полный упадок. Как позднее христиане в Испании, «грубые победители... опустошили или забросили производительные силы, с которыми не сумели справиться» (Энгельс).

Результаты этого сказались немедленно. Если при Сасаниде Хосрое Ануширване (531—579) в плодороднейшей Месопотамской долине, названной арабами «Савад» («чернозем») или «Ирак», возделывали 150 млн джерибов земли¹ (джериб — 2269 кв. метров), то во времена Омара I (634—644), т. е. в первые годы после завоевания, культурная площадь сократилась почти в пять раз, до 32 млн джерибов².

Значительно уменьшились и доходы. Сасанид Кавад (488—531) даже в эпоху социальных потрясений, связанных с движением Маздака, собирал с Ирака 214 млн дирхемов в год налогов, а халиф Омар I — всего 120 млн³. Если при сокращении культурной площади в пять раз доходы упали меньше чем в два раза, то это объясняется отнюдь не усовершенствованием обработки земли, а резким усилением податного бремени. Под арабским владычеством крестьянин платил с той же площади почти в 2½ раза больше налогов, чем при Сасанидах.

В дальнейшем земля возделывалась все хуже и хуже, из года в год давала все меньше. Наместник халифа Муавии (661—680) в Ираке, до последних пределов завинтив налоговый пресс, сумел выжать из подданных уже только 100 млн дирхемов⁴; лет через шестьдесят с того же Ирака поступало в казну не больше 70 млн⁵, а в эпоху так называемого «расцвета» халифата, при Аббасидах (в 915 г.), — уже совсем ничтожная, сравнительно, сумма — 30 млн дирхемов⁶.

То же происходило и в других областях государств. Во второй половине VIII в. Аббасиды еще собирали со всего халифата больше 400 млн дирхемов⁷, но через сто лет (в 866 г.) в казну поступила лишь половина этой суммы, причем — характерная подробность — все 200 млн пошли на уплату жалования войскам⁸. Если учесть, что курс дирхема по отношению к динару упал к началу X в. больше чем в два раза, то эти цифры станут еще красноречивей.

Таковы реальные результаты хозяйственной и экономической политики арабских завоевателей в покоренных странах. Естественным ее следствием оказался, в конце концов, хронический дефицит в бюджете и финансовый крах (в 1-й четверти X в.)⁹. Последнее было неизбежно, ибо государственные средства расходовались столь же нерасчетливо, как и добывались.

¹ Кремер, ук. соч. I, стр. 99.

² Там же, стр. 258, прим. 1 со ссылкой на Маверди, стр. 32.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Там же, стр. 258.

⁵ Там же, стр. 259.

⁶ ЗВО, IV, стр. 138.

⁷ Кремер, ук. соч., I, стр. 272-273.

⁸ Там же, стр. 273, прим. 1 со ссылкой на Ибн Тагрибарди, I, стр. 769. Интересно, что в государстве Саманидов, как сообщает географ второй половины X века Ибн Хаукаль, доходы составляли 80 млн дирхемов ежегодно, а на уплату жалования войскам и чиновникам уходило всего 20 млн, хотя ставки налогов были там ниже, а оклады — выше, чем в других частях халифата (А. Mez, Die Renaissance des Islam, стр. 121—122.)

⁹ Кремер, ук. соч., I, стр. 251—252.

Деньги, которые удавалось выколотить из населения, почти все стекались в Багдад и в значительной части оставались там. Багдад стал чем-то вроде гигантской кровососной банки, притягивающей все богатства страны; обилие золота создало в столице халифата своеобразную денежную инфляцию. Все цены исчислялись в динарах, дирхемы служили на рынке лишь разменной монетой¹. Соответственно поднялась и стоимость жизни; дороговизна достигла небывалых размеров.

Платить за все и вносить налоги приходилось динарами, а получать попрежнему в дирхемах; даже вознаграждение поэтам за понравившиеся стихи выдавали серебром².

Зато при дворе халифа и в его ближайшем окружении все буквально купались в золоте. Знаменитый Харун-ар-Рашид однажды раздал своим наложницам все деньги, полученные как налог из Мосула; в другой раз тот же халиф, восхищенный пением своих невольниц, велел выдать им шесть миллионов дирхемов³. И все же, после его смерти, в халифской казне осталось 48 млн динаров золотом, т. е. 240 млн золотых рублей⁴.

Сын Харун-ар-Рашида — Мамун расходовал на свой двор ежедневно 6000 динаров⁵; до 7000 (35000 руб.) довел свой ежедневный бюджет другой аббасидский халиф, ал-Мутаид (892—901)⁶, после которого в казне осталось уже только 9 млн динаров (45 млн руб.)⁷. Правивший полувеком позже ал-Мустакфи мог расходовать на свой двор всего 5000 дирхемов (2000 руб.) в день.

В то же время дневной заработок ткача составлял (в Египте) полдирхема или 20 копеек⁸. Столько же получал цирюльник, ставивший банки слишком разжиревшему богачу⁹. Кровопускание считалось торжественным событием и ознаменовывалось праздником. На расходы по приему гостей уходили в таких случаях громадные суммы.

Различие между бедными и богатыми нигде в халифате не чувствовалось так резко, как в Багдаде. Если крупный торговец или чиновник мог швырять золотые пригоршнями, то провинциальный пришелец, отправившийся за счастьем в столицу, чувствовал себя в незнакомом, враждебном городе „потерянным, как Коран в доме вольнодумца“¹⁰.

Что же в итоге принесли арабские завоеватели в завоеванные страны? Для крестьян и ремесленников — небывалое усиление эксплуатации, для мелких торговцев — разорение под гнетом непосильных налогов. Почти все, что удалось нажить, съедали поборы, незаконные, кстати сказать, даже с точки зрения мусульманского права. Облагалось налогом решительно все, — от писчей бумаги и свадебных обрядов до торговых сделок и застроек.

»Только дышать можно еще пока даром, — говорит один египетский автор, — но скоро, наверно, и за воздух придется платить деньги»¹¹.

Все сказанное, кажется нам, дает достаточный ответ на вопрос,

¹ А. К р е м е р, Ueber das Einnahmebudget des Abbasiden Reiches v. Jahr 306 H. (918/1919), S. 9.

² Там же, стр. 10.

³ Кремер, ук. соч., II, стр. 67.

⁴ М е ц, ук. соч., стр. 115.

⁵ Кремер, ук. соч., I, стр. 280.

⁶ М е ц, ук. соч., стр. 124.

⁷ Там же, стр. 115.

⁸ Там же, стр. 433—434.

⁹ Там же, стр. 404.

¹⁰ Кремер, ук. соч., II, стр. 55.

¹¹ М е ц, ук. соч. стр. 117, со ссылкой на Макризи, I, стр. 103.

какова была материальная и духовная культура мусульманских завоевателей, когда они вторглись в Сирию, Египет, Иран, Среднюю Азию.

По своему культурному уровню, соответствовавшему слабому развитию производительных сил рабовладельческого общества с только еще зародившимися признаками феодальной эксплуатации, они стояли несравненно ниже греков, иранцев и среднеазиатских народов, значительно дальше продвинувшихся по пути феодализации и обладавших многовековыми самобытными культурными традициями. Не подготовленные к восприятию этих традиций, завоеватели не только не способствовали дальнейшему развитию местных культур, но, на первых порах, даже уничтожали памятники культуры и истребляли её носителей¹.

*
* *

И все же культура покоренных народов, в частности народов Средней Азии, не только не погибла в результате иноземного вторжения, но продолжала успешно развиваться. В течение первых двух веков хиджры в халифате происходил быстрый процесс „дезарабизации“. Тонкая сама по себе прослойка арабов, в этническом и культурном отношении полностью растворяется в массе местного населения.

К IX в. н. э. в жилах халифов струилось уже не более одной десятой арабской крови²; что же говорить о широких массах, где смешанные браки стали в ту пору бытовым явлением?

Только своему языку и религии сумели арабы силой оружия до некоторой степени обеспечить торжество; проследив их судьбу на чужой почве, легко увидеть, сколь условна была, однако, эта победа.

В Средней Азии и Хорасане ислам, как известно, долго существовал наряду с местными религиями и вообще никогда не вытеснял их совсем³. Только при Саманидах в IX—X вв. проникла вера Мухаммеда на окраины халифата, например в „Туркестан“. Первоначальный лозунг завоевателей „сила—в исламе“⁴ привлекал в лоно новой веры людей, искавших экономических выгод (освобождение от некоторых налогов) или быстрой карьеры; последовавшая вскоре замена этого лозунга более реальным девизом—„сила—в харадже“—приравняла в податном отношении мусульман к иноверцам, уничтожила экономический стимул и сильно замедлила ход исламизации. Ислам продолжал находить адептов главным образом в кругах, близких к правящей арабской верхушке. Как мы уже говорили выше, не только новообращенные, но и, так сказать, исконные мусульмане в эти первые времена не отличались особо горячими религиозными чувствами.

Здесь не место вдаваться в историю мусульманства и повторять избитую истину, что первоначальный ислам далеко не тождествен с богословским учением, выработанным позднейшими поколениями

¹ Нельзя согласиться с мнением В. В. Бартольда (История орошения Туркестана, стр. 15), будто „арабское завоевание способствовало в Туркестане прогрессу культуры“. Правильно определяет значение вторжения арабов в Среднюю Азию А. Ю. Якубовский (ТОВЭ, III, 1940, стр. 25), говоря, что „арабское завоевание прервало богатую местную традицию и во всяком случае на целое столетие приостановило здесь прогресс“.

² И. Ю. Крачковский, „Восток“, IV, стр. 97.

³ Как указывает В. В. Бартольд (История изучения Востока, изд. II, стр. 77), окончательная победа ислама в Средней Азии произошла только во второй половине XI в.

⁴ История народов Узбекистана, I, стр. 169.

факихов, в большинстве своем уроженцев завоеванных стран. Ислам, как религия халифата, опять-таки создан не арабами. Интересно в этой связи, что из четырех основателей так называемых „правоверных“ толков один лишь Малик ибн Анас был уроженец Аравии. Абу Ханифа—внук персидского раба, Шафии родился, повидимому, в Сирии, а Ахмед ибн Ханбаль появился на свет в Багдаде, куда его родители незадолго до этого переехали из Мерва.

Остается язык. Из всех элементов так называемой „арабской“ культуры арабский язык имеет, пожалуй, наиболее примечательную судьбу. С каким лингвистическим и литературным багажом вторглись арабы в сопредельные страны?

В ту пору язык завоевателей, по выражению такого глубокого его знатока, как уже упоминавшийся академик В. Р. Розен, „богат был словами, но беден понятиями“ и не имел литературы¹. В наследство от „джахилии“ мусульманам досталась только лирическая поэзия, верное зеркало кочевой бедуинской жизни в VI—VII вв. Других литературных жанров доисламские арабы, повидимому, не знали; плохо прививались они в арабоязычной литературе и позднее. Кроме сказок, художественной прозы на арабском языке в средние века почти не существовало; новелла появилась только в новоарабской литературе, а полное право гражданства она получила лишь в наши дни. Нет в арабской литературе и эпоса, вроде, например, Шахнамэ, нет даже религиозных книг, подобных Авесте, или народных сказаний, аналогичных, скажем, таджикскому „Дастану об Абу Муслиме“.

Три области, в которых в первые столетия господства завоевателей безраздельно царил арабский язык, это религия, поэзия и наука. Религия нас сейчас не интересует, обратимся прямо к поэзии. Посмотрим, какая доля в её создании принадлежит собственно арабам.

Определенный ответ на этот вопрос дает покойный академик И. Ю. Крачковский, которого едва ли кто-нибудь заподозрит в желании умалить значение культуры арабов. „Арабской поэзией в строгом смысле этого определения,—пишет И. Ю. Крачковский в статье для широкого читателя („Восток“, IV, стр. 97),—можно считать лишь поэзию Аравии в доисламскую эпоху с примыкающей к ней по традиции поэзией VII—VIII вв.“ Уже в начале следующего века картина резко меняется. По-арабски пишут поэты неарабы, носители иных культурных традиций, отражающих значительно более развитые общественные и производственные отношения. На смену певцам пустыни приходят поклонники городской культуры, городской жизни с её наслаждениями и соблазнами. Соответственно изменяются и формы поэзии. Длинная, медленная, как поступь верблюда, „касыда“ (ода), с обязательным описанием бесконечного путешествия автора к восхваляемому в поэме лицу и прочими неизбежными атрибутами бедуинской поэзии, уступает место короткой, часто задорной, иногда лирической „кыт’а“ или откровенно циничной „винной песне“ в духе Анакреона.

Выдающиеся поэты не только не пользуются старыми формами, но жестоко высмеивают их, становятся в „сознательную оппозицию против поэтов, восхваляющих жизнь и ее воображаемые прелести“². Виднейший представитель нового поэтического течения—иранец по происхождению Абу Новас (ум. около 813 г.) во всеуслышание провозгласил, что „воспевание следов стоянки (обязательный атрибут всякой касыды) есть поэзия дураков“³.

¹ Сборник, памяти академика. В. Р. Розена, стр. 38.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 67.

Столь же беспощадно издевается Абу Новас и над мусульманской религией.

„Ступайте в рай и не мешайте мне попасть в ад!¹—говорит он благочестивым ханжам, упрекающим его в безнравственности.

„Кто обнимет красавицу, равен паломнику, который совершит хадж“,—заявляет Абу Новас в другом месте, явно пародируя „хадисы“.

В своих выпадах против ислама поэт не знал никаких границ. В лекции об Абу Новасе, из которой мы уже заимствовали несколько цитат, академик Розен приводит, в частности, приписываемые Абу Новасу слова: „Я желаю, чтобы мне дозволялось все то, что запрещает закон и религия, и чтобы бог превратил меня в собаку. Я сел бы в меккском храме и стал бы кусать всех пилигримов“².

Антирелигиозные настроения характерны не для одного Абу Новаса, хотя никто из поэтов после него не выражал их столь откровенно. Скептические мотивы слышатся в произведениях ряда других поэтов той же и последующей эпохи. Наиболее полное выражение получил философский скептицизм в творчестве знаменитого слепца Абулала из Маарры в Сирии (ум. в 1057 г.), величайшего поэта так называемого „послеклассического“ периода арабоязычной литературы. Его замечательное „Послание об ангелах“ (Рисалат аль-малаика), где под благочестивым покровом таятся почти атеистические идеи, доступно неспециалистам в превосходном переводе покойного И. Ю. Крачковского³.

Все сказанное и еще многие факты, не приводимые нами за недостатком места, позволяют с полной определенностью утверждать, что средневековая арабская поэзия создана по существу не арабами, а представителями покоренных народов. В еще большей мере это относится к так называемой „арабской“ или „мусульманской“ науке.

К началу IX в. литературная производительность на арабском языке становится очень значительной, чему в известной степени способствовало распространение дешевой тряпичной бумаги⁴. Однако уже к этому времени в качестве творцов арабской науки выступают главным образом неарабы. К интересным выводам в этом смысле приводит анализ специальных отделов об авторах и переводчиках научной прозы в новейшем (1937—1939) издании „История арабской литературы“ Броккельмана (т. 1, стр. 100—254 и 362—436). В омейядском и так называемом „классическом“ периоде арабоязычной литературы, т. е. с 661 по 1000 г. н. э., Броккельман насчитывает, кроме поэтов, богословов и суфиев, больше 350 авторов. „Чистыми арабами“, т. е. уроженцами Аравийского полуострова, которые росли и учились на своей родине, оказывается из них, по данным Броккельмана, всего около 10%, причем арабы-ученые, за единичными исключениями могут быть отнесены к числу второстепенных. Как количественное, так и качественное главенство в создании научного арабского языка и памятников так называемой „арабской“ науки безусловно принадлежит уроженцам покоренных стран⁵.

Какую бы область знания мы ни взяли, неарабы в ней доминируют. В славной плеяде арабоязычных географов IX—X вв. только один из

¹ Сборник памяти академика В. Р. Розена, стр. 67

² Там же.

³ Труды ИВ АН СССР, т. III, Л., 1932.

⁴ В. В. Бартольд, Мусульманский мир, стр. 51.

⁵ Ср. замечание В. В. Бартольда о том, что в создании арабской культуры население, оставшееся в Аравии, принимало только второстепенное участие; культурная работа происходила в покоренных арабами искони культурных странах (История изучения Востока., изд. 2, стр. 154).

двенадцати—ал-Хамдани—араб (второй—Абу Дулеф, правда, родился около Мекки, но жил и работал в Бухаре при дворе Саманидов). Ту же картину дают и другие отрасли науки, особенно точные и естественные дисциплины, разработка которых принесла арабоязычным ученым мировую славу. Весьма значительна в этом смысле роль уроженцев Средней Азии. Подлинными творцами арабского научного языка и специальной терминологии могут быть названы, в первую голову, для астрономии и математики—Мухаммед Хорезми, для философии и музыки—Фараби, для химии и медицины—Рази, родившийся, правда, в Рее, но проведший значительную часть своей жизни в Хорасане и Бухаре, и знаменитый Ибн Сина, а за ними—многое множество их земляков, с успехом продолжавших начатое ими дело.

Характерно, что даже в области арабской грамматики и лексики одно из первых мест отводилось современными и позднейшими учеными двум уроженцам так называемого „Туркестана“—Абу Ибрахиму Фараби (ум. в 960 г.), однофамильцу и современнику философа, и его племяннику Абу Насру Джаухари (ум. около 1002 г.). Первого прославило лексико-грамматическое сочинение „Диван ал-адаб“, быть может, натолкнувшее Махмуда Кашгарского на мысль составить его знаменитый словарь. Труд Фараби широко использовал и творчески переработал Джаухари в своем толковом арабском словаре „Ас-Сахах“. Джаухари справедливо считается основоположником новой школы в лексикографии. В отличие от своих предшественников, которые стремились набрать в словарь как можно больше синонимов, редких слов и нятянутых, вычурных сравнений, нужных только бездарным риторам и поэтам (один из таких лексикографов зарегистрировал в своем словаре четыреста синонимов для слова „несчастье“ и тысячу восемьсот сравнений типа „белее снега“, „прожорливей, чем слон“ и т. п.), автор „Сахаха“ добивался простоты и ясности толкований и хотел сделать свой словарь доступным для масс. Такими качествами „Сахаха“ объясняется огромная популярность этого словаря, который неоднократно перерабатывался, дополнялся и размножался в бесчисленных списках. Позднейшие арабские толковые словари созданы на основе „Сахаха“ Джаухари.

Говоря об арабском языке, не следует, разумеется, забывать его роли как фактора научного общения между разноязычными народами, населявшими халифат. В этом смысле арабский язык выполнял, несомненно, прогрессивную функцию. Однако, несмотря на все меры, принимавшиеся завоевателями, язык их так и не сделался в халифате разговорным, не вышел за рамки делопроизводства, школы и письменности. На примере арабского халифата блестяще подтверждается гениальное сталинское положение об империях рабского и средневекового периода которые, не имея своей экономической базы и представляя временные военно-административные объединения, „не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“¹.

На окраины халифата арабский язык проникал вообще очень медленно и туго. Знаменитый философ Фараби (ум. в 950 г.) изучил его только взрослым человеком, когда прибыл в Багдад, а его современник, буидский султан Муизз ад-даула, уроженец прикаспийского Дейлема, до конца жизни так и не выучился арабскому языку и

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 10.

объяснялся с арабами через переводчиков¹. Натиск арабской речи разбился о „большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции“ (Сталин).

* * *

В итоге всего сказанного, нам кажется, можно следующим образом сформулировать ответ на вопросы, поставленные в начале нашей статьи:

1. Под термином „средневековая арабская культура“ следует понимать только культуру собственно арабов, уроженцев Аравийского полуострова. Миф о какой-то единой для всего средневекового Востока „арабской культуре“ не выдерживает научной критики и создан панарабистами и пропагандируется их американскими хозяевами для „обоснования“ расистских теорий о неспособности народов Востока, в частности народов Средней Азии, к самостоятельному культурному творчеству.

2. Ссылка панарабистов на монополию арабского языка в науке и литературе населения халифата несостоятельна. Не отрицая прогрессивного значения арабского языка как средства культурного общения между различными народами, обитавшими на территории халифата, необходимо, однако, помнить, что язык не является единственным фактором, определяющим культуру того или иного народа.

3. В период завоевания арабы по культурному уровню стояли много ниже покоренных народов. В дальнейшем роль арабов в формировании культуры средневекового Востока была весьма незначительной и быстро сошла на нет.

4. Основной вклад в сокровищницу этой культуры сделали народы завоеванных арабами стран, в частности народы Средней Азии. В создании науки и литературы средневекового Востока этим народам принадлежит первенствующая роль.

---

¹ Коптский язык был в Египте разговорным вплоть до XVII века, а в Алжире и Марокко процесс языковой арабизации не завершён до настоящего времени (сообщение сотрудника ИВ АН УзССР Ю. Н. Завадовского).